

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

ЗА СЧАСТЬЕМ...

ЛУЧШИЙ ИЗ КУРОРТНЫХ РОМАНОВ

16+

Анатолий Шинкин

Тихая замена

«Автор»

2012

Шинкин А.

Тихая замена / А. Шинкин — «Автор», 2012

Главный герой один – Андрей, от его имени ведется повествование. Основное действие развивается на Бермудских островах, куда забросила группу, под видом "обретения личного счастья», подставная турфирма. Олигархи, используя главного героя (двойника президента) и туристов "в темную", задумали незаметно подменить президента великой страны. Любовные приключения героев разнообразили: нашествие змеиных полчищ, атака акул, извержение вулкана. Начало заинтересовывает, окончание преподносит сюрприз. Для подготовки обложки издания использована генерация ИИ.

© Шинкин А., 2012

© Автор, 2012

Анатолий Шинкин

Тихая замена

Глава 1 Полина Сергеевна

*У художника был пустой кусок стены, за которым целый мир.
Мастер нарисовал картину, назвал "черный квадрат" и
повесил на стену. Мир стал за "черным квадратом".*

*Когда женщина навязывается, мужчинка чувствует ненормальность ситуации и
выставляет защиту*

«Я инфантил и в этом не оригинален, поскольку имя нам – легион», – приподнялся, перевернул подушку и снова лег, забросив руки за голову, а ноги на спинку дивана. Тридцать пять, – учился ненужному, работал, где придется, бегал от любивших, догонял недоступных, спорил о неинтересном, – псу под хвост. Пора уже признаться, что вот такой я непутевый, живу кое-как, а случись повторить, пройду той же дорогой. Большой палец правой ноги назойливо белел через дырку в черном носке.

– Отрава. Пытаешься доказать себе, что свободен, а, всего лишь, никому не нужен. Жениться что ли, опереться на хрупкое, но очень надежное женское плечо и прислонить щеку к мягкой теплой груди. Нет, теплой и упругой.

Мысль не новая, но повседневно актуальная. Одиночество – штука небезобидная; у каждого свое: сколько людей, столько одиночеств. Кому-то достаточно побыть наедине с собой пять минут в день, и уже надоедает; другой бежит в свою капсулу и тщательно проверяет не забыл ли задвинуть засов. Люди – животные общественные. Полное одиночество – нонсенс. Отклонение, приводящее в деградацию, в манию, в суицид.

Надо выправлять ситуацию. Подцепил левой «полторашку» пива с пола, правой нетбук на живот притянул. Поиск единомышленников: «Ищу друга для секса без обязательств», «Познакомлюсь с неординарным парнем, поэтом и романтиком, для совместного творчества», «Нужен собеседник для утренних пробежек», «Девушка-спортсменка будет счастлива с другом-спортсменом».

«Отставной майор ПВО ищет хозяйственную миловидную женщину для дружной работы и вечернего досуга на даче», – лукавит майор; умолчал зараза о следующем за вечернем ночном досуге.

С кем прожить долго и счастливо и умереть в один день? Надеяться на счастье жизненный опыт не позволяет. Под светом надежды будущие времена кажутся лучше, а добредешь – те же.

За неполный день парад событий, которых утро не предвещало. ЖЭК "Уют", он же "Жилконтора" в "двушке" крайнего подъезда девятиэтажки, встретил утренней тишиной. Степан Сергеевич, работодатель для меня, электрика и группы дворников-гастарбайтеров, по обыкновению подкалывал очередной номер газеты "Ваши шесть соток" к подшивке, кивнул без улыбки, и взглядом указал на соседний стол: заявка на замену сантехники. Ничего необычного.

Забрал и перешел по двору во второй подъезд, попутно утреннему солнышку порадовавшись, в квартиру на лифте подъехал. Хозяйка – дама, болонка кудрявая, под сорок, в приятных теплых формах и по-утреннему формально подкрашенных бровях, ресницах и губах, обрадовалась, засуетилась, едва из серо-розового атласного халатика с перламутровыми пуго-

вицами не выпрыгнула, возбужденно объясняя, как мучилась осознанием, что приходилось оправляться в унитаз, «как у всех».

– Стандартный, ... – женщина порывисто вздохнула, сглотнула, на левой щеке сверкнула небольшая горячая слеза. – Ну, вы меня понимаете!

– Понимаю, – промычал с показным дружелюбным сочувствием. Изобразив взгляд специалиста и ценителя, осмотрел приготовленный к замене толчок-«царский трон». Отступив на шаг, оценил ширину посадочного овала; окинул взглядом круп хозяйки, сравнивая параметры, кивнул одобрительно. Интересно, чем подруга заработала на снежной белизны фарфоровое чудо? Вскинул вверх большие пальцы. – Прекрасный выбор. Ставим?

– Да, да, а я кофе сварю.

Кабинка не тесная, работается свободно. Быстренько управился с демонтажем, зачистил площадку, примерил подводку и отведение. Все удачно складывается, если не считать активного стремления дамы поучаствовать в обустройстве неординарно комфортного санузла.

– А рисунок на плитке будет виден? Бачок его не заслонит? – женщина наклонялась, чутко трогала, плавно обводила розовым пальчиком, с неброским голубоватым маникюром, узоры на кафеле, протискивалась между стеной и моим локтем, и пуговички на мягко скользящей по телу легкой одежде последовательно и неотвратно выпадали из петелек.

На сороковой минуте мелькнули и контрастно подчеркнули молочную кожу узкие серенькие трусики, лифчика не наблюдалось изначально, и близко поставленные объемные емкости, на каждом движении задевая мое левое плечо, колыхались четко и слаженно, как солдаты кремлевского полка, красиво работали в паре.

Назойливо просилось в грубую мужскую ладонь сливочно белое круглое колено и чуть притенное, цвета деревенской сметаны, явно знакомое с безопасным бритвенным станком, бархатистое плотное бедро. "На автомате" стянул вязаную перчатку, но благоразумие взяло верх, почесал голыми пальцами кончик носа и вернул перчатку на место.

Я честно старался не отвлекаться: дело прежде всего, но глаза у мужиков блудливы, природа определила и ничего с этим не поделать, только завершить поскорее установку «царского трона» и сбежать.

Ситуация далеко не перворазная и никогда ничем хорошим не заканчивалась. То девушка начинала на седьмой минуте чувствовать себя «в отношениях» и уже планировала совместный быт и проживание, то намеренно портила в своей квартире сантехнику и заваливала управляющую компанию «Уют» заявками на ремонт, то настоятельно требовала, с угрозой мер и санкций, от Степана Сергеевича повлиять и направить «вашего, который поматросил и бросил», завтра с паспортом к ЗАГСу.

Полигамны мужики, то есть, априори не виноваты. Жаль, женщины этого не знают и маниакально пытаются задержать около себя однажды допустившего слабость мужичка.

Полина Сергеевна – «можно просто Поля» – не молчала. С оттенком негодования отзывалась о бывшем, который

– ... гад, бездельник и ревнивец на пустом месте. Все пытался с поличным застать.

– Застал?

– Вернулся с командировки на два дня раньше, – задышала негодуя, очевидно, заново переживая неприятный момент, но подробностями делиться не стала: женщины не склонны публично обсуждать свои постельные сцены, чужие – пожалуйста.

– Не понимаю мужиков, рвущихся застать жён с поличным, – умение влиться в тон и поддержать клиента у сантехников профессиональная черта, влияющая среди прочего и на гонорар, но сейчас я искренне сочувствовал "можно просто Поле". – Повод что ли для развода ищут. Не веришь – разводишься. А веришь, так и возвращайся из командировки, как обещал.

– Вот-вот, – мгновенно уцепилась за подсказку Поля, доверять надо самому близкому человеку, а не сразу на дыбы: "Развод, чемодан и девичья фамилия". Козел и моя вторая непоправимая ошибка. Единственный плюс: квартиру, машину и два магазина оставил.

– А первая "непоправимая ошибка"?

– Саид, в Анталии отдохнула. Дочке уже четырнадцать, красавица черноглазая, дочь "турецкоподданного", отправила на месяц в лагерь "для тинэйджеров", – улыбнулась снисходительно воспоминанию. – Ну, как ухаживал, как ухаживал! Цветы дарил, кофе подносил, не жалел по реалу за чашку. Использовал девичью доверчивость, а потом: "Извини, у меня невеста. Наша встреча была ошибкой". Когда реал платил, о невесте не думал. И пусть подавится своим реалом.

– Урод, что тут скажешь. Первая любовь обросла обременением.

– Не обременением, а беременностью в реале, – вздохнула и усмехнулась следом, – а дальше распутыванием клубка проблем и надеждой на новую любовь и счастье.

Оставил при себе максимум из жизненного опыта, что женщины на ошибках не учатся, и повернулся к унитаду. "Царский трон" возвышался над обыденной реальностью, золотыми кромками подчеркивал снежную голубоватость фарфора. Белые квадраты, поменьше – "по-маленькому" и побольше – "по-большому", звали к действию. Не отказал себе в удовольствии и придавил большую. Внутри трона утробно рокотнул водопад. "Просто Поля" занесла чашечку кофе – обычай отмечать окончание работы на рабочем месте. Только порадоваться за тех, у кого рабочее место не туалет.

Следом притащила планшетку, с ноут размером, включила красочный сайт с зелеными пальмами и золотыми пляжами.

– Путевку взяла. Надо отдохнуть, развеяться, а может быть и счастье свое встретить.

– А зачем ехать? – промычал в полусогласие. – Для счастья можно полюбить себя и не забыть ответить взаимностью.

– Ново и интересно, – удивилась Поля, плотно придвинулась и неожиданно сменила тему. – Ты по знаку кто?

– В смысле?

– По знаку Зодиака.

– Не интересовался, не моя тема. Родился в октябре семьдесят шестого...

– Мистика, – Поля вскинула голову, едва сама не подпрыгнула. – Весы, а по году Дракон, драконы как правило летают в облаках, то есть, в своих мечтах, но весы все уравнивают, противоречивый знак. Ты на президента похож. Только постричь и усы сбрить.

Будто сам не знаю. Потому не стригусь и усы отпустил. Президент на экранах круглые сутки, и ближние не стесняются отметить сходство и пошутить в меру примитивного юмора. Задолбали.

– А мистика в чем?

– К слову пришлось, не бери в голову, – и чуть отступила, загораживая выход.

Не расстегнутых пуговиц на халате осталось две: чуть выше пупка и на уровне предельно заниженной трусяной резинки, как чеки на гранате. Выдерни любую, и для меня наступит точка невозврата.

Спасительным рингтоном телефон потребовал дать "Оскар этой богине"* и голос Степана Сергеевича указал путь к свободе:

– Кот, все бросай и на цыпочках ко мне, – Кот от фамилии Кошкин, – у нас форс-мажор.

– Вот, начальство вызывает... срочно, – изобразил виновато-обещающую улыбку и торпливо закидал в ящик инструменты.

"Можно просто Поля" изначально стояла в середине дверного проема, но отвлеклась: романтично, но непредусмотрительно прислонилась к косяку, как селянка к березке на картинах художников-передвижников, ещё и правую коленку мечтательно подогнула, а я легко проскочил в приоткрывшуюся половину. Опасаясь погони, ринулся мимо лифта на лестницу.

* Шлягер

Глава 2 Изольда

*Никогда не знаешь заранее,
какой высоты пламя жжёт изнутри пешку*

Давая себе возможность отдышаться, приостановился на ступенях, разглядывал беспорядочно бегающих, громко бессвязно орущих детишек за зеленой вертикальной решеткой и зевающую на лавочке неприметной внешности и неопределенного возраста воспитку в бесформенной одежде. Детский сад: веселые игривые козлята с пастухом-воспитателем. Гомон неумолчный. Детишки, торопясь, захлебываясь, перебивая друг друга, голосом отстаивают личное "я". Несвязно, порой, плохо выговаривая буквы, шепелявя, дети учатся общаться и сотрудничать в группе. Природа определила, вот и следуют. Человек – стайно-стадное животное: кто первым выбрался наверх, спешит плюнуть вниз. Нижние тоже рвутся стать царем горы и взглянуть значительно на бывших друзей из детства.

Мало кому удастся преодолеть объединяющие инстинкты. У некоторых получается вырасти и сбросить овечью шкуру, другие, смиренно помекивая, бродят в отаре, тщательно маскируя клыки. Детсадовские группы, школьные классы, как десятилетний срок в общей камере; рабочие коллективы, в которых каждый сам за себя и сам по себе; офисные серпентарии-гадючники; армия, где "все вместе" с криком "Ура" выполняют приказ неадекватного командира. Переходя из стада в стадо, проживаем жизнь. Кто-то выбивается в пастыри, а "белых ворон" подъедают "санитары леса": бандиты, чиновники, гиперактивные соседи и сослуживцы. На склоне лет судьба и Родина дарят отдушину: индивид переходит в табун свободно пасущихся, одинаково думающих и голосующих "за начальство" пенсионеров.

Ни с чего на философию растянуло: наверное, кофе крепким через чур оказался. Сбежал благополучно, а настроение не улучшилось. Пожалуй, не стоило так поспешно ретироваться, но и возвращаться – смысла нет: все надо делать вовремя, в том числе и женщину любить. Как говорится: "Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня или не делать никогда".

Вышел на проспект и остановился у лотка с мороженым. Подождет Степан Сергеевич, благо, его жизненный опыт, пребывание сначала в Советском, а далее в Российском ПВО, подразумевал умение наблюдать и ждать.

Начинал на знаменитой "С-125", завалившей в Сербии легендарный американский Стелс, бомбардировщик-невидимку. «Эх, нас там не было, – едва не плакал в минуты откровения, – зассали наши братьям помочь, а то бы мы америкосам шансов не оставили». Уволился в звании майора и уже год возглавлял управляющую компанию «Уют».

– Мороженое, берем холодное. Подходим, не стесняемся. Молодой человек?

– Два сливочных, – отдал деньги и вернул один стаканчик лоточнице, полноватой, но с выраженной талией, широкими бедрами и объемной грудью, плотно обтянутыми розовой маечкой и брючками в цвет, улыбочивой дивчине. – Угощайся. Уже не молодой. Тридцать пять, списывать пора на свалку личных несложившихся историй. Меня Андреем кличут.

– Знаю, – девушка лукаво улыбнулась, – я Изольда. Часто вижу, поинтересовалась у народа. Одна покупательница котом обозвала, типа, мартовским.

– Клевещут, Изольда. Я взрослою и с годами все меньше во мне от кота, да и память, куда от нее, регулярно и настойчиво ошибки молодости перед глазами перетряхивает – напоминает и воспитывает – неумная; а народ искать далеко не приходится: куда ни глянь, везде он. Все знает, все видит и всегда готов обозвать, осудить и закидать камнями. Самые грубые, не поверишь, мартовского кота кобелем называют – вообще нонсенс, – взглянул на Изольду погрустневшим взглядом.

– Народ зря не скажет, а звание кобеля не только заслужить, но и неумоимо подтверждать надо, – Изольда, чуть наклонив румяную щеку к правому плечу, состроила сочувствующую гримаску. – Летнее обострение: голову напекло и началось брожение негатива. Не может быть, чтобы у молодого и симпатяги все было так плохо.

– Даже хуже. Приличные люди в тридцать пять умирают, нарожав детей, насочиняв поэм; посадив аллеи деревьев; построив башни, с небоскреб высотой; и оставляют добрую, светлую, теплую, смешную, скандальную, злую, хотя какую-то память.

– Так это в прошлом веке так было, а сейчас в тридцать пять только жизнь начинается, – девушка шевельнула бюстом вперед и вверх, отразила на румяных щеках оптимизм и позитив. – Я вот развязалась с бывшим и опять, как цветок. Улыбнулась удача, и дальше будет другая жизнь. Может быть с подобным же придурком, но одна ступень уже перешагнулась. Уезжаю днями на юга за счастьем.

Изольда нырнула левой рукой в кармашек на переднике и предъявила уже виденное час назад красочное аквамариново-лазурное изображение кораллового атолла в Южных Морях. Поверх картинки оранжевый слоган: «Тысяча долларов – это не дорого за счастье до конца жизни!»

– А конец жизни они тоже обещают? Рассказывай, раз начала. Покупатели в очередь не стоят, – оглянулся и откусил край вафельного стаканчика

– Я злилась, но стеснялась сказать, когда он коленями вперед забирался на кровать в очках, носках, часах и трусах; трусы стягивал под одеялом, – Изольда погрустнела взглядом. – Некоторое время пыхтел, сопел, стонал, упираясь ногами в носках в спинку кровати, царапая часами плечо и потея очками... и уходил. – фалангой указательного пальца стерла слезу, усмехнулась ярко накрашенными алым полными губами и продолжила. – Встречались шесть лет, пока его не задавила спешащая на пожар и, против обыкновения, с полной цистерной воды пожарная машина. – Изольда снова усмехнулась и оглянулась на прохожих, продолжила рассказ, глядя мимо меня. – Так ни разу не посмотрела и руками не потрогала, что же такое во мне регулярно присутствовало. Считай черствой или предательницей, но я целый месяц радовалась после обеда в пятницу своему одиночеству, а потом заскучала, и потекли воспоминания, как наказание. Ни лицо, ни руки, ни глаза, даже имя припоминала с трудом, а только очки, носки, часы и трусы, которые он снимал под одеялом.

– Тяжелый случай, ущербное счастье, – я старательно сдержал смех, – но, если путь определила, останавливаться не надо, чтоб не получилось, как у меня: одинок, свободен и сантехник.

– С чего-то начинать надо, лотерейку купить, вдруг ты не знаешь, а удача в тебя верит и направит.

– Если только пошутить захочет: у меня с фортуной отношения приятельски-дурашливые: то я ее подковырну, то она меня, потом вместе хохочем, ржем, веселимся. Иногда приколы получаются злыми, но между приятелями чего ни бывает?

– Надо верить, – Изольда, поймав волну наставника и учителя, подтянулась, посерьезнела и заговорила тоном пророка. – Вот как раз сейчас богиня в хорошем настроении. Решайся, сделай ставку.

– Была мысль попробовать, – настойчивость девушки вышла за рамки легкого трепа, пора закругляться. – Фортуна наверное надеется, что не пропешь, не прогуляешь, а правильно распорядишься выигрышем, например, иностранное авто купишь,.. а мне ничего, кроме пропить-прогулять, в голову не приходит путевого. Не стоит и билет покупать.

– Вижу, – Изольда резко двинула вверх и агрессивно направила в мою сторону обширный бюст. – Пора совершить поступок. Женись, а то перед смертью воды не подадут. У меня случаются моменты ясновидения.

– Моменты или приступы?

– Окно откровений, и оно показывает, что твоя судьба рядом.

– Ах, Изольда, не сыпь мне соль на прану. Вот сейчас, как в анекдоте, пить не хочу.

– Спасибо, что выслушал, – Изольда внимательно окинула меня взглядом, будто рост измерила. – Возьми мороженого на дорожку, чтоб мозги не перегревались. Бесплатно.

– Спасибо. Нет взаимности со счастьем. Повеситься в пору, да кота некуда пристроить.

– А кота, как зовут?

– Серый, пушистик и красавец, с выдающимся хвостом.

– Так я могу взять.

– Котейку?

– Обоих.

– Обещаю подумать. Удачи, Изольда.

Глава 3 Степан Сергеевич

*Бог, наблюдая нас, уже протер
в недоумении "потылицу" до лысины*

Однако, пора и к конторе подходить: пунктуального Степана Сергеевича опоздания подчиненных из себя выводят и вернуть обратно бывает затруднительно.

– Что случилось, Сергеич? Почему беспокоишь с ранья?

– Случилось, то и случилось, – Степан Сергеевич выглядел против обыкновения нездорово возбужденным, суетливо листал вздрагивающими пальцами свою "настольную книгу" – подшивку газеты "Ваши шесть соток". – В зеркало глянь. Не может глава государства одновременно страной рулить и прокладки в унитазах менять.

– Старая шутка.

– А проблема новая. Увольняешься ты, и я следом. Думал подработать к военной пенсии, а оно вона как. На дачу к кроликам и пчелам. Найду помощницу пофигуристей, чтоб на про-

полке округлостями любоваться. Уже и объяву на сайт знакомств закинул: «Отставной майор ПВО ищет хозяйственную миловидную женщину для дружной работы на даче.»

– Весело, Сергеич. Иногда возраст обременяет мудростью, но можно бороться, например, перейти на здоровый и скучный образ жизни. Так это от тебя? Видел. Теперь впору и мне креативное сочинить: «Тридцать пять, никто, свободен», – авось клюнет неординарная принцесска, когда надоест залетных принцев в соцсетях матом отваживать. Своими планами бога смехи, а ко мне, какие претензии?

– А нету претензий: руки на месте, голова работает, выпиваешь в меру. Унитазы, раковины устанавливаешь влет. Клиентки в восторге, мужья рекламаций не присылают.

– Лишь бы самим не работать... Проблема в чем?

– Претензии к твоей физии, она же фейс: нельзя смотрящего по стране лицом повторять. Они так прямо и сказали, – Степан Сергеевич замолчал и смотрел злым взглядом.

Пауза неприлично затягивалась. Пошутила надо мной природа, хоть в театр двойников иди работать. А вдруг я – это президентское «альтер эго» – второе я... или более молодая копия на случай, если оригинал устанет страной управлять, а достойного преемника нет. Самому смешно. Юмор компенсирует безысходность.

– Хорошо, что не спросили, с какой целью на первое лицо державы похож. Вопрос как обвинение, с последующей статьей. Они – это кто?

– Они серьезные ребята, в безупречно строгих костюмах. Только посмотрели, даже говорить не начали, а у меня бывшего командира ракетного дивизиона ПВО, а мы бывшими не бываем, появились позывы к мочеиспусканию, а в низу живота отозвались признаки внезапной диареи.

– Шутишь?

– Ни один, заметь и намотай на ус, ни один из натовских пилотов, когда я ловил их в перекрестье прицепа, не заподозрил меня в желании пошутить. Короче. Ты уволен и свободен. Вот зарплата за последний месяц и столько же сверху. Мы оба уволены. С теми ребятами даже взглядом встречаться не хочу: оттуда смерть наблюдает. Где их этому учат? – Степан Сергеевич боязливо оглянулся. – Улетаю на Сейшелы. Сто пятнадцать коралловых островов, неделя отдыха, и счастье до гробовой доски. Смотри на экран. – Повернул ноутбук экраном ко мне.

Впору засмеяться: третий раз за пол дня одна и та же картинка и смешная цена: «Тысяча баксов, срок исполнения – неделя, гарантия – вся оставшаяся жизнь».

– Возраст поджимает, клянусь себя: там не успел, здесь не доработал, где-то поленился, но задачи сделать мир лучше с себя не снимаю. Правду сказать, защищая от супостатов родное небо и спокойный сон наших людей, – Степан Сергеевич прихватил ноутбук двумя руками и напряженно рассматривал картинку. – В долгих ночных дежурствах хотелось добраться до их бесстыдных заокеанских пляжей и наказывать этих буржуинок просто и по-мужски, чтоб пищали и извивались от беспощадного напора советского бескомпромиссного офицера. Они же развратные, – Степан Сергеевич отодвинул ноут, перевернул страницу в подшивке и ткнул пальцем в заголовок, – ходят озабоченные голыми по Майямы и никого не стесняются. Называются: "Нудисты".

– Краснею и бледнею от их распущенных нравов, Сергеич, – я постарался остаться серьезным. – И это только Майямы, а что творится на ихнем Западе, который они сами обзывают "Диким" и в столице Запада, в насмешку названным Лос Анджелес, типа, Город Ангелов, но мы-то знаем, что это столица Чертей. Очень бы хотелось там побывать, да денег на билет нету.

– Прикалываешься, – Степан Сергеевич взглянул осуждающе и резюмировал. – Ничего святого.

– От души желаю достичь, Сергеич, и наказать врагов за развязанную, а теперь и выигранную ими Холодную войну, но... счастье – это не точка-полюс, для всех в одной стороне, месте и времени расположения, нет к нему общей дороги. Мне было уютно в вашем "Уюте".

Глава 4 Модельная соседка

*Умная женщина никогда не "атакует в лоб",
а только провоцирует мужичка на "боевые действия"*

Меньше, чем за три часа стал безработным по абсурдной причине. Да мало ли похожих? В детстве сосед по деревне вечерами с женой и немецкой овчаркой гуляли. Просто, трое близнецов. Нынешние собачники с питбулями, и не разберешь, кто из них собака: на всех бросаются. По принципу похожести выбирают не только собак и мужей, но и вообще все. У приятеля был "Москвич" – машина такая – одно лицо с хозяином. Сфотографировался рядом – сходство идеальное. И всех похожих поганой метлой гнать?

На пороге встретил Серый, взглянул требовательно и кивнул в сторону кухни.

– Не напрягайся, сейчас покормлю, – мимоходом поднял крышку нетбука. Во весь экран уже надоевший сайт и надпись: «Стань лучшим в команде!» – Кто-то, Серый, непонятно зачем мной заинтересовался. Жизнь обратила внимание... сквозь иронический прищур в перекрестье прицепа.

Кот рожицу покривил, муркнул и о ногу потерялся. Серый и внешне красив – пушистик, и характером золото: никогда не говорит: "Мяу". Для привлечения внимания, требования, просьбы, выражения настроения только музыкально переливающееся "Му-р" или "Му-р-р". "-Р-Р-" может продлеваться до бесконечности и даже дальше в зависимости от получаемого наслаждения. Живет с удовольствием.

А я, то от соседней отлаиваюсь, то на коллег рычу; то шипением об укусе предупреждаю, то скулю, когда самого цапнули. По черно-белому завидую Серому и учусь мурлыкать.

Подхватил красавца на руки. Кот потянулся, устраиваясь поудобнее. Придерживая Серого левой рукой, правой листал брачные объявления: «Стану женой и музой для поэта», «Обещаю заботиться и самозабвенно любить». Сайт знакомств: «Стройная, двести-сто шестьдесят-двести, хочу уехать из городской суеты». Попытался изобразить размер руками и едва не свалился с дивана, попутно вспомнил лоточницу Изольду.

Прежде, чем хотеть, правильно сформулируй свои хотения. Семейный союз не догма, не застывшая жесткая матрица, а тернистая тропа от радостной встречи, к счастью, разлуки или классическому упокоению "в один день", а, если повезет, то и час.

Надо шевелиться: теория без практики мертва, а древо жизни растет куда попало. Довестись раз в жизни профессионалам. Щелкнул «Брачные агентства», и браузер послушно показал пятьдесят тысяч страниц. Выбрать нужное сложнее, чем спутника жизни. Ткнул наудачу, в строке «О себе» врать не стал: «Тридцать пять, никто, свободен». Поднял кота перед собой.

– Познакомлюсь, оженюсь; стану добрейшей души человеком, ласковым отцом, заботливым мужем, доброжелательным другом... другу семьи. Соединю сердца с красоткой в отгороженном от мира уголке. Начало пути в ленивые кастрированные коты, – Серый напрягся,

взглянул настороженно и дернулся. – Это я о себе. – Кот успокоился. – В замкнутом пространстве и соседка надоест, не только жена. Грустный юмор одиночества.

Пошарил рукой по полу, нащупал пульт и включил телевизор. Сразу отщелкнулся от как бы правдивых новостей, отвлекающих мозги обывателей от насущного и значимого. Умолчание – наиподлейший вид вранья, и в этом наше ТВ наиболее преуспело. Попал на бразильский сериал.

Красотка в шортиках и маечке и мачо в деловом костюме – супружеская пара. Взгляды-вают со значением, произносят фразы ни о чем. Как нелегко ему с женой-красоткой: то сам смотрит, то взгляд ощущает, то сам закурит, то она пиццу занесет, еще ночи в любви, без сна. Нет, жениться надо на некрасотках и лежать на диване перед телевизором не напрягаясь.

Не зашел чужой опыт. Выключил с досадой и пульт обратно на пол отправил. Покрутился на диване, в поисках удобной позы, кулаком подбородок подпер, как Роденовский "Мыслитель", но сообразил, не мое. Хлебнул пивка, закурил и с котом на руках вышел на лестницу. Принятое решение побудило к движению и общению.

Навстречу девица из верхней квартиры. Салонно обихоженная блондинка модельного роста. Остренькие прядки волос, небрежно и будто случайно на лоб упавшие, матовую кожу лица подчеркивают. В цвет красного золота маникюр трехсантиметровый, бедра и ноги зеленой чувственно переливающейся юбкой до щиколоток возбуждающе обтянуты. Под белой полупрозрачной кофточкой грудки-грушки нервно призывно вздрагивают, остренькие соски изнутри ткань поглаживают, оживляют. На ногах лабутены, ярко красными подошвами ступеньки пересчитывают. Русалочка глазастая. Двумя пальчиками к губам стаканчик кофе поднесла, отхлебнула. Из сумочки сигаретку-соломинку выщелкнула. Я зажигалку поднес, подмигнул, улыбнувшись через силу.

– Здравствуй, русалка зеленоглазая. Не присмотришь за котиком недельку?.

Оставила недопитый стаканчик на перилах, кивнула с надменной иронией сквозь затемненные очки, будто мелочь в шапку швырнула. Гармонично выпирающие ниже трепетной спины булочки-батончики-ягодички приостановили движение на полушаге; вздрогнули, будто в раздумье, и вновь задвигались-закрутились в такт цоканью десятисантиметровых каблучков вниз к выходу. Обернулась:

– У тебя фамилия Кошкин. Не люблю котов, – прозвучало, как приговор, не в ее я формате. Все меньше русалок в наших колодцах.

Сглотнул слюну, допил кофе из стаканчика. «Три в одном», то самое, из пакетика двухрублевого, но преподнесла неординарно. Сунул окурочек в консервную банку, к перилам привязанную. Окинул взглядом безжизненные фиолетовые панели, серую зашарканную лестницу, некогда белые стены в грязно желтых разводах, и настроение, без того минорное, осыпалось и покатилося вслед за скомканным пластиком мимо ступенек в сторону мусоропровода.

Вернулся в комнату, прикидывая на ходу, выдержит ли двойной компьютерный провод сто килограммов. Мимоходом в зеркале мелькнул и отвернулся. Попроситься в двойники, вдруг кому захочется с главой государства разобраться, а я уже наготове – "застрелите и утритеесь». Дожился до разговоров с котом и приколов над собой нелюбимым. Одиночество – брат нездоровых чувственных дум. Рад бы топить за позитив, но... оформляю в слова жизненный опыт, а в нем сплошная горчица.

Мысли никуда не денешь. Знаю многих, вырастивших сыновей, посадивших аллеи деревьев и настроивших кварталы домов. Так же грызут себя: недоделали, недодали, недосадили – клянут себя за лень, неуспешность, неумение. Наверное, мысленно пожирать прожитую жизнь – это такой русский способ развлекаться. Самоедство.

Очередная полоса в жизни. Не совсем черная, а, скажем так, не хорошего цвета. Навязчивая идея отравляет жизнь и, впереди уже не светлое, а страшное будущее. Так бывает. Надо что-то менять: работу, друзей, место жительства, заменить идею фикс другой идеей, более светлой, а иначе съешь самого себя.

Ткнул кнопку ноута и увидел девять фотографий: пять женщин и четверо мужчин. С удивлением узнал Степана Сергеевича, Изольду, Полю и модельную соседку.

– Ба. Знакомые все лица!

Приятный баритон проворковал: «Every time,* даже когда не видишь цели, надо к ней идти, и цель сама найдет тебя и сделает счастливым!»

Экран нетбука светил красочным посланием и нагло врал о раздаче личного счастья на тропических островах. Цена вопроса – тысяча баксов, срок исполнения – неделя, гарантия – вся оставшаяся жизнь.

Еще раз внимательно прочитал страничку, пополняя список неисполнимых мечт, хотя... почему неисполнимых?

Полистал-подвигал пальцем по столу пятитысячные купюры, врученные Степаном Сергеевичем: «Счастье не деньги, его всегда мало, а, впрочем, и денег мало. Богаче не сделают, беднее – некуда». Повеситься и на Сейшелах смогу.

"Надо что-то в жизни менять. Какой-никакой, а поступок, даже смелый. Добавить в скучную пустоту огонька и юмора, прозябать так с музыкой, – посмеялся над собой. – Решительность на инфантильность похожа, вроде бы и на судьбу надеюсь, но это не фатализм, а ожидание от моря погоды. Грустно." Оглянулся на кота.

– Куда ж тебя. Серый, пристроить?

* Каждый раз (англ.)

Глава 5 Общее в нас

Люди не устают разочаровывать и смешить Бога

В полупустом бизнес-классе «Боинга-747» неподвижно сидели и напряженно высматривали счастливую судьбу в спинках передних сидений девять, считая меня, особой "мужеска и женска" пола, приодетые турфирмой в ярко желтые майки, бело-серые полуштаны «бермуды» и фиолетовые банданы.

Перед стартом «огламуренный» голубоватый стюард, с модной стрижкой «пилотка» и обведенными красным губами, провел по салону модельную соседку. Девушка, узнав меня, гордо вскинула подбородок и манерно разместилась в задних креслах.

Впрочем, я в недоумении присматривался к теплой парочке: Степану Сергеевичу и Изольде. Память назойливо продиктовала: «Стройная, двести-сто шестьдесят-двести», – не «стройная», а «пышка-кругляшка». Грустно взглядывая голубыми глазками над румяными вздрагивающими щеками, повествовала соседу тяжелую историю, заставившую перечеркнуть унылое прошлое и отправиться за светлым будущим.

– Ни лицо, ни руки, ни глаза, даже имя припоминала с трудом, а только очки, носки, часы и трусы, которые он снимал под одеялом.

Внимательно дослушавший рассказ Степан Сергеевич, ерзая широкими плечами, извлек из пакета подшивку газеты «Ваши шесть соток» и начал торопливо перелистывать.

– Вот, – победно ткнул в найденную полосу. – Довлеющий и угнетающий психику ряд воспоминаний. Только природа, взрыхленная теплая земля грядок и внимательное участие близкого по духу доброго друга помогут вернуть душевное спокойствие.

Щеки пышки-кругляшки порозовели до багровости, а лицо под русой стрижкой «на пробор» выразило нетерпеливое желание дружно поработать с отставным ветераном ПВО.

– Да я хоть завтра на дачу, и... полоть, полоть, полоть, а потом из шланга поливать, поливать, поливать...

Перед дачником» и пышкой поместились и заботливо старались не задевать друг друга коротко стриженный качок-красавец-брюнет с повадками перекормленного короткошерстного кота и гладкощёкая мощная красотка, из породы «девка-кобыла». Сходство дополняли густые обесцвеченные волосы, собранные перламутровой малиновой заколкой в «лошадиный хвост» и распирающие штанины «бермуд» крепкие бедра, предполагающие скрытый пока креслом мощный круп. Подаренная турфирмой много размерная майка на груди девушки плотно натянулась, гармонично завершая рисунок большого тела выдающимися формами.

В памяти всплыло словечко «секс-бомба»; красавице оно подходило без преувеличения. На поверхности души возбуждающе забулькательное черно-белое чувство зависти к пострадавшим от применения.

– Подружка двадцати шести лет, стройняшка и умница, Ленка Журавлева. Мечтала о женихе с трехсоттысячной зарплатой, а нашла со стотысячной и стала Синицыной, развелась и превратилась в "никто". Посвятила себя богу. Ходит в глухом и длинном черно-сером платье, на лице скорбно-постная мина, – грустно, но громко повествовала блондинка.

– Тупые, – соглашаясь, резюмировал Качок. – Нужно тебе триста тысяч, бери трех мужиков по сто или пять со средней зарплатой. Кстати, таких, как я, надо восемь, а то сразу в монастырь. Ну, тупая!

– Ей бы с парнями кувыркатся да детей рожать, – блондинка, привлекая внимание, тронула Качка за плечо, – а она и себя обокрала, и кого-то, судьбой ей предназначенного, счастливым не сделала. Жаль дурочку, ... и себя жаль. Не дай Бог такой судьбы.

– А у меня приятель бросил пить и начал в храм заглядывать, – подхватил Качок. – Спрашиваю: «Как результаты?» Отвечает: «Нормально, – с половиной города переспал, приступаю к другой.»

– А он догадывается, что вторая половина города – это мужики? – пошутила блондинка.

– Секс не водка и не наркотик, даже не курение, – Качок внезапно возбудился и покраснел. – Понимаю приятеля: секс – это здоровый образ жизни, а кому-то и спорт, и релаксация после запредельных нагрузок.

– И дорога к Храму Любви, – девушка легко засмеялась и примирительно прислонилась плечом. – Дарят другу любовь и ласку, и лицу партнера вреда не наносят.

И к бабушке не ходи: девушка-спортсменка и друг-спортсмен из компьютерного объявления.

Выпрямив узкую спинку и прикрыв бледными ладошками не распрямляющиеся колени, нервно дергался и крутил лысоватой головенкой на тонкой шее тридцатилетний хлюпок, офисный крысеныш: никаких «обязательств» не потянет; похоже, и потребности с трудом вытягивает. Вполголоса смущенно «изливал душу» Полине Сергеевне.

– У меня и девушка была. Любили, а секс не состоялся. Стеснялся попросить, она, скромная, не предлагала. Прочитал в проспекте турфирмы, «Если не счастлив сейчас, то «сейчас»

может превратиться в судьбу». Взял кредит и поехал. Знакомые и родня воспринимают не то, чтобы неадекватом и придурком, но точно не от мира..., а я такой и есть.

Искренне раскрываясь, человек воплотился в диагноз. Смеяться грех, а, нет сил сдержаться. Не брутальный парень: сильных слов не говорит, поступков за гранью не совершает. Женщины таким на генном уровне, подсудно не доверяют: не кажется он надежным и защитником, но могут, реализуя материнский инстинкт, в сыновья взять.

– А по знаку Рыба или Овен?

– Не Рыба и не Овен. Скорпион я, – хлюпик-крысеньш приосанился, искоса взглянул на меня и вновь повернулся к спутнице.

Полина Сергеевна перебирала мелочевку в сумочке. Выглядела по-домашнему уютной и надежной; таких называют с расширением «тетя», – тетя Оля, тетя Паша, тетя Маша. В нашем случае, тетя Поля, так и буду к ней обращаться, дистанцию обозначать, чтобы мыслей глупых в головах не возникало. Выхватила у стюарда обед и заботливо, приговаривая и сюсюкая, хлюпика накормила.

– Компотик, – отпила глоток, причмокнула. – Скорпион движется скрытно, а нападает внезапно. До дна, и ягодку на десерт.

Парочка меня заинтересовала, точнее, напрягли короткие, колючие, исподтишка, явно недружественные взгляды хлюпика. Торопливо пролистав в голове инфу о себе, не нашел ничего заслуживающего внимания посторонних и незнакомых, но отложил в мозгу закладочку: «Нота бене», обрати внимание, запомни хорошо, – ни рыба, ни мясо, но укусить может".

Назойливое бубнение в рифму и вальяжное цитирование классиков из школьной программы с головой выдало поэта и музу. Обернулся и удивился прическе Музы. Все цвета радуги на одной голове. Учебник физики за восьмой класс: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», – коричневый, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Бездна креатива. Черная кудрявая шевелюра, горбатый нос и усы под ним – поэт. Прислушался.

– Низменные инстинкты все вытравил; только высокое искусство и чистота чувств на базе духовности, да, – на честном глазу уверял голос с кавказским оттенком за спинкой сиденья.

– Хорошо-то как, – из глубины души выдохнула «Муза» и начала рассказывать. – Пять лет тому бросила учительствовать и поклялась не возвращаться в школу, все только из-за низменных инстинктов молодой поросли... да и в своей головушке десяток тараканов одновременно обнаружила. Поначалу подающей надежды считалась, даже на «Учитель года» номинировали, а тут довела своих креативных противных до выпускного, ... на котором и оказалась самой сексуально востребованной. Вернулась утром уже «одухотворенной». Благо, папашка-мажор выдержал два года совместного житья, но «сделал ноги», едва на «официоз» намекнула. Теперь дочку воспитываю. Мажор в свите президента трется. Жаль, зарплата нищенская: всего десять тысяч на алименты присылает.

– Американских баксов?

– Русских рублей... раньше были деревянными, но сейчас здорово подешевели.

– Грустно, да, – снова сбился на кавказский акцент поэт. – Стихи слушай. Сам написал, да.

Осенний ветер листья закружат,
Клубясь в рекламном многоцветье;
И отдаленность, улицу ужа,
Мои мечты проводит в бесконечность. Да.

– Противоречивые, и оттого иногда внезапно грустные стихи, – приложив пальчик к уголку губ, комплиментарно оценила Муза и тем же пальчиком смахнула отсутствующую на ресничке слезу.

Только поржать: где она противоречие и грусть рассмотрела? К поэтам и особенно поэтессам у меня не простое отношение. Студентом занимался в литературном объединении "Молодые голоса" и однажды удостоился общения с двумя подружками-поэтками. Ну, не умею я сказать, что стихи никакие: вдруг творческую искру убью. Чтоб не молчать, мычал поощрительно в течение двух часов и на свою беду разбудил творческую энергию. Девушки встречали меня на входе, и сразу начинали фонтанировать "новым я". Через два дня я забыл дорогу в дом творчества, и литература, потеряла перспективного автора.

Пролететь тысячи километров для встречи с доморощенным «неординарным» стихоплетом. Впрочем, охмуря девушку, в правильном направлении парень движется: чтобы создать шедевр, надо с Музой переспать. Поиск глазами, куда бы зацепить компьютерный шнур, и заметил наушники, надел торопливо. Указательным пальцем на дисплее выбрал «Music songs The Beatles. Любовь не купишь». Мысленно поблагодарил турфирму, второй раз остановившую суицид, и начал прикидывать, отчего вокруг "знакомые все лица". Склонность к иронии и критическому анализу у меня в крови.

Отвернулся к иллюминатору, накрылся пледом и захохотал: перед глазами весь список утренних объявлений из компа. Отсмеявшись, попытался вычислить черта, собравшего «десять негрятят» в одном рейсе на непонятную потеху; и бросил: слишком мало фактов. Решил разбираться с непонятками по мере поступления и накопления. Гора загадок неизбежно преобразуется в факты и выводы, количество сменяется качеством.

Запоминая лица, еще раз осмотрел салон. Герои с биографией. Все однажды или многожды обожглись на первой любви, теперь надеются поймать второй, а некоторые очередной шанс; пытаются стать счастливыми, учтя предыдущий негативный опыт.

Достал из рюкзака пачку разноцветных маркеров, выбрал побелее и нарисовал на своей бандане сердце, пронзенное стрелой. Улыбнулся во весь рот, и девушка-лошадь расцвела-заулыбалась, протянула руку за фломастерами. Качок-красавец прожег взглядом и так же прихватил пару карандашей. Девушка нарисовала призывно улыбающуюся сладострастную русалку, широкобедрую, как карась, и полногрудую, как сама. Радостно зарделась, когда двумя руками изобразил выдающийся бюст и с восторгом поднял большие пальцы вверх.

Стриженный качок, показывая рисунок, опустил бандану до кончика носа. Белым по фиолетовому череп и скрещенные кости, а внизу надпись: "Не влезай – убью!".

Девушка сложилась пополам и начала хохотать, самолет задрожал и затрясся; а обеспокоенный стюард, слезно морщась от бьющей по голубым глазам женской красоты, попросил тишины.

- Девушка не веселитесь так бурно, чтобы не создавать излишнюю турбулентность.
- Хотелось бы долететь благополучно, – напомнил о себе уязвленный качок.

Тело затекло, решил размяться. Подошел и наклонился к Степану Сергеевичу.

– Привет, Сергеич. Люди часто похожи на геометрические фигуры: есть прямоугольники, овалы, ромбы, квадраты; есть сплошь из тупых углов; отдельно народ отмечает круглых. Абстракционистам даже выдумывать не надо. Точно, как в нашей группе.

– Изольда, познакомься с нашим ЖЭКовским клоуном, – без радости представил меня Степан Сергеевич.

– Клоуном жить проще и свободней, в рамках своей дурости. Чем дурнее, тем свободней. Можно говорить, о чем умные молчат.

– Сама видишь: все шутит и шутит, и меня до инфаркта едва не дошутил.

– Мы с Изольдой знакомы, двести грамм мороженого на двоих съели, а шутки для клоуна – подушка безопасности. Чем смешнее шучу, тем от плахи дальше.

– Чур-чур, тебя, – Степан Сергеевич торопливо листал подшивку «Ваши шесть соток». – Слова материальны: могут голосом отозваться и подзатыльником приложить.

– А я сразу заметила: улыбаешься ты грустно, – сочувственно отозвалась Изольда. – Пристроил котейку?

– Нашлись сердобольные старички снизу, взяли Серого на пансион, а юмор без грусти-печали – тупое ржание. Будем печалиться в поисках осмысленных улыбок. Сергеич, что там с маршрутом и местом назначения?

– Уже почти на Сейшелах, – Степан Сергеевич прихлопнул ладонью подшивку. – Переживаемся в гидросамолет, и через пол часа десантируемся на коралловый атолл, а там счастья на всех хватит.

– Красава, Сергеич. Ты уже шутить начал.

– Заразительны дурные примеры.

Глава 6 Песчаный берег, пенистый прибой

Еще и врут, будто мы произошли от обезьян.

Ни хрена пока не произошли и уже не произойдем

После посадки в тропическом аэропорту, ожидая продолжения путешествия, потолклись перед памятниками аборигенам без лиц: парню с гитарой и девушке с «тамтамом», туземным барабаном. Безостановочно крутившая по сторонам остреньким "буратинным" носом под разноцветной челкой Муза вдруг разразилась речью.

– Обратили внимание, голуби на памятники не садятся. "Посадочные места" на памятниках скульпторы иглоками вооружают и правильно делают: памятники – это история. Плохая ли, хорошая ли – другой вопрос. Срать на свою историю и самим не достойно и другим позволять нельзя, даже птицам, даже высокого полета.

Особенно удивился резкому гласу subtilной чужеземки водитель подкатившего открытого микроавтобуса, тощий белозубый, черноусый мулат. Недоуменно и безотрывно, пока мы грузились, то пялился на разноцветную пигалицу, то переводил озадаченный взгляд на скульптуру. Очнулся, когда его нижняя челюсть громко ударилась о его же грудную клетку. Подтянув губу, слюни и челюсть на место, рявкнул что-то вроде: «Чингас! Эйсгёрл, стоп де маднесэбавт де Рок»*, – и неспешно повез в дальний конец аэропорта к самолетику на колесах-поплавках. Едва успел прочитать надпись над терминалом «Л.Ф.Вэйд Интернэшнл Аэропорт». Ассоциации с Сейшелами не возникло. Покосился на штаны, и в мозгу почему-то всплыло название «Бермуды». Мать твою, уже не скучно.

Роль стюарда теперь исполнял второй пилот, баскетбольного сложения усатый негр, которому, лишь взглянув на раздувающиеся ноздри приплюснутого носа, уже не хотелось возражать, он выдал каждому спас-жилет и парашют и предложил надеть.

– Этот сверху, снизу тот.

Пышка «двести-сто шестьдесят-двести», пока стюард, с выступившей на губах слюной, вождественно сопя и страстно потея, пытался умять лямками парашютных ремней и мускули-

стыми чёрными руками ее пышные «два по сто» в единое компактное «двести», утробно захихикала:

– Говорят, негры никогда, ничего и никого не стесняются; ведут себя просто и естественно, особенно в постели, – это и принесло им славу великолепных любовников, а вовсе не размер...

– Голодной куме хлеб на уме, – укоризненно покивала мягким подбородком Полина Сергеевна, она же тетя Поля.

– Не хлеб, а..., – торопливо собрался пошутить поэт, но оборвал фразу после короткого удара Музы остреньким кулачком по ребрам.

– Не будь пошляком.

– Убить нас хотят, а деньги присвоить, – заскулил, тычась носом меж крутых холмов тетя Полиной груди, хлюпик.

– Бог с тобой, – нежно одернула мудрая тетя Поля, – за тысячу баксов так далеко убивать не возят.

– Поддерживаю, – солидно пробасил Степан Сергеевич, пихая в пакет свои «Ваши шесть соток». – За маленькие деньги особо изощряться не будут. Тюкнули по головке на выходе из лифта, деньги забрали, а ты и возразить не успеешь.

Стюард-пилот-негр распахнул дверь, выглянул, остужая встречным ветром разгоряченное лицо, и жестом пригласил выметаться.

– Кольцо дергать нет, – пояснил на языке Пушкина и Гоголя. – Открывайся сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.